

DOI: 10.37791/2687-0657-2025-19-3-73-90

Регулирование конкуренции в агропромышленном комплексе с помощью механизмов налоговой политики

А. В. Корытин^{1*}, И. А. Соколов²

¹*Институт исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики
Финансового университета, Москва, Россия*

²*Институт прикладных экономических исследований РАНХиГС, Москва, Россия*

**korytin.andrey@gmail.com*

Аннотация. Российский агропромышленный комплекс в последние годы демонстрирует уверенный рост, однако этот рост происходит неравномерно и связан с повышением роли крупных агрохолдингов при сохраняющейся уязвимости малых сельхозпроизводителей. Растущая холдингизация и вытеснение малых хозяйств создают ограничения для развития сельских территорий, снижают устойчивость темпов роста сельскохозяйственного производства и приводят к ускоренному росту цен на продукты. Агропромышленный комплекс в целом пользуется преференциальными налоговыми условиями, включая нулевую ставку по налогу на прибыль, однако основные параметры налогообложения сельскохозяйственной отрасли не дифференцированы между крупными и малыми сельхозпредприятиями, в отличие от остальных отраслей, где есть особые льготы для малого бизнеса. В АПК сохраняется возможность развития конкуренции методами налоговой политики, направленными на снижение темпов монополизации отрасли. В работе дана численная оценка показателей концентрации в отдельных отраслях АПК и их изменения за 2016–2023 гг. Показаны рост концентрации на рынках производства свинины, мяса птицы и сахара и перспективы дальнейшей монополизации. Выполнена оценка налоговой нагрузки на сельское хозяйство по сравнению с другими отраслями, а также оценка потенциала ее увеличения за счет крупных сельхозорганизаций и агрохолдингов. В соответствии с теорией государственных финансов сформулированы меры налоговой политики, направленные на регулирование конкуренции в отрасли, которые разграничивают налоговые условия для малых и крупных сельхозпроизводителей. Предлагается, с одной стороны, ужесточить требования к применению нулевой ставки налога на прибыль и ЕСХН для предприятий, входящих в состав агрохолдингов, а с другой стороны, предоставить дополнительные налоговые льготы и субсидии малым и начинающим сельхозпроизводителям в виде пониженной ставки ЕСХН и компенсации выплат по НДС.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, холдингизация, монополизация, коэффициент концентрации, индекс Херфиндала – Хиршмана, единый сельскохозяйственный налог, налог на прибыль, НДС, налоговое регулирование, субсидии для сельхозпроизводителей

Для цитирования: Корытин А. В., Соколов И. А. Регулирование конкуренции в агропромышленном комплексе с помощью механизмов налоговой политики // Современная конкуренция. 2025. Т. 19. №3. С. 73–90. DOI: 10.37791/2687-0657-2025-19-3-73-90

Regulation of Competition in the Agro-Industrial Complex Using Tax Policy Mechanisms

A. Korytin^{1*}, I. Sokolov²

¹*Institute for Research of Social and Economic Changes and Financial Policy of the Financial University, Moscow, Russia*

²*Institute of Applied Economic Research of the RANEP, Moscow, Russia*

**korytin.andrey@gmail.com*

Abstract. The Russian agro-industrial complex has demonstrated consistent growth in recent years. However, this growth is characterized by significant asymmetries, driven by the increasing dominance of large agricultural holdings and the persistent vulnerability of small agricultural producers. Growing holdingization and the small farms displacement impose constraints on the development of rural areas, reduce the sustainability of growth rates in agricultural production, and contribute to rapid increases in food prices. While the agro-industrial complex benefits from preferential tax policies, including a zero percent profit tax rate, these tax regimes are not differentiated between large agricultural holdings and smaller agricultural enterprises, unlike in other sectors where small businesses receive targeted fiscal support. There are opportunities to promote competition through tax policy designed to reduce industry monopolization. This study provides a quantitative analysis of concentration trends across sectors of the agro-industrial complex from 2016 to 2023, highlighting significant increases in market concentration within pork, poultry, and sugar production and prospects for further monopolization. The paper evaluates tax burden on agriculture in comparison with other industries, as well as the potential for increasing it for large agricultural holdings. According with public finance theory, the study proposes differentiated tax measures for small and large agricultural producers. On the one hand, it advocates for stricter eligibility criteria for the zero rate for profit tax and the unified agricultural tax for enterprises affiliated with agricultural holdings. On the other hand, it recommends additional tax incentives and subsidies for small and young agricultural producers, such as reduced unified agricultural tax rates and compensation for VAT payments.

Keywords: agro-industrial complex, holdingization, monopolization, concentration ratio, Herfindahl – Hirschman index, single agricultural tax, profit tax, VAT, tax regulation, subsidies for agricultural producers

For citation: Korytin A., Sokolov I. Regulation of Competition in the Agro-Industrial Complex Using Tax Policy Mechanisms. *Sovremennaya konkurentsya=Journal of Modern Competition*, 2025, vol.19, no.3, pp.73-90 (in Russian). DOI: 10.37791/2687-0657-2025-19-3-73-90

Введение

Российский агропромышленный комплекс в последние годы демонстрирует уверенный рост, однако этот рост происходит неравномерно и связан с повышением роли крупных агрохолдингов при сохра-

няющейся уязвимости малых сельскохозяйственных предприятий. Монополизация ряда сегментов рынка продовольствия крупными агрохолдингами не встречает препятствий со стороны государственных регулирующих органов и приводит к вымыванию малых

и средних предприятий из отдельных рынков внутри страны. Процессы монополизации создают ограничения для полноценного развития сельских территорий, снижают устойчивость темпов роста сельскохозяйственного и агропромышленного производства и приводят к быстрому росту цен на продукцию [12].

Холдингизация в сельском хозяйстве России активно шла в 2000-х и 2010-х гг. и продолжается по сей день. Крупнейшие агрохолдинги зачастую лидируют по технической модернизации своих производств, быстрее внедряют новые сельскохозяйственные, логистические и маркетинговые технологии [19].

В настоящее время возможности дальнейшего усиления бюджетной поддержки сельхозпроизводителей ограничены, поэтому необходимо более полно реализовывать потенциал повышения эффективности АПК путем развития конкуренции и демонаполизации отрасли [1]. Под эффективной конкуренцией в сельском хозяйстве понимается «ее высокая интенсивность, вытекающая из отсутствия барьеров для входа на рынок и наличия значительного количества конкурирующих субъектов», взаимодействующих в целях минимизации издержек, выбора наилучшей стратегии бизнеса и «отказа от соперничества, ведущего к утрате слабейших участников рынка» [4, с. 82].

Агропромышленный комплекс в целом пользуется преференциальными налоговыми условиями, однако основные параметры налогообложения сельскохозяйственной отрасли не дифференцированы между крупными и малыми сельхозпредприятиями, в отличие от общепринятой для всех остальных отраслей ситуации, где есть особые значимые льготы для малого бизнеса. В настоящее время ни особые положения по налогу на прибыль в ст. 284 НК РФ (нулевая ставка для сельскохозяйственных товаропроизводителей), ни режим единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН) не разграничивают малых и крупных сельскохозяйственных производителей. Такие налоговые условия чрез-

вычайно благоприятны для крупных агрохолдингов, которые могут пользоваться налоговыми льготами, не сопоставимыми с условиями налогообложения крупных компаний в других отраслях, гибко планируя свою налоговую нагрузку за счет разницы налоговых ставок для предприятий внутри холдинга.

В результате налоговая нагрузка на крупнейшие агрохолдинги остается крайне незначительной. Так, в 2019–2021 гг. АПХ «Мираторг», «Русагро» и ПАО «Группа Черкизово» получили 112,3 млрд руб. чистой прибыли, из которой заплатили только 6,8 млрд руб. (6% от объема прибыли) в виде налога на прибыль. В то же время данные компании выплатили за 2021 г. своим акционерам только в виде дивидендов 34,5 млрд руб. [9].

С другой стороны, малые сельские хозяйства, существование которых жизненно необходимо для развития сельских территорий, не находят дополнительной поддержки для компенсации эффекта малого масштаба своего бизнеса, при этом их конкурентоспособность ослабляется [7].

Это свидетельствует об актуальности налогового регулирования, способствующего снижению темпов монополизации отрасли и развитию конкуренции.

Основная научная задача данной статьи – оценить показатели концентрации для ряда отраслей АПК, показать связь монополизации с условиями налогообложения и предложить подход к налоговому регулированию конкуренции в аграрном секторе, соответствующий теории государственных финансов и существующей налоговой политике в других отраслях.

Данные и метод

Исследование показателей концентрации проводится для важнейших отраслей российского АПК, в которых наблюдаются процессы холдингизации: производство свинины, мяса птицы, сахарное производство, а также производство фасованного подсолнечного

масла. Для оценки показателей концентрации в отраслях АПК используются данные журнала «Агроинвестор» (по мясному производству) и отчетов АО «Русагро» (по производству сахара и подсолнечного масла).

Уровень концентрации и монополизации в отрасли измеряется коэффициентом концентрации CR (в данной работе равен доле в производстве 5 крупнейших компаний) и индексом Херфиндала – Хиршмана *HHI* (сумма квадратов долей всех компаний). Фактически, для расчета *HHI* были использованы данные о долях 20 (или же меньшего числа) крупнейших предприятий отрасли, поскольку это уже обеспечивает нужную точность.

Средний уровень концентрации соответствует значениям CR от 45 до 70% и *HHI* от 0,10 до 0,20. Больше – высокий уровень концентрации, требующий вмешательства антимонопольных органов, меньше – низкий уровень концентрации, не требующий регулирования. Если в зарубежной практике принят расчет коэффициента концентрации по доле пяти лидирующих производителей, то в российском антимонопольном законодательстве CR рассчитывается по сумме долей трех крупнейших компаний, что, очевидно, соответствует более высокой концентрации рынка [10].

Показатель налоговой нагрузки на отрасли экономики России рассчитан по методу средней эффективной ставки налогов на капитал как отношение суммы налогов на доход и имущество предприятий к прибыли до уплаты налогов и процентов. В перечень таких налогов входят: налог на прибыль, налог на имущество организаций, земельный налог, транспортный налог, а также налоги на доход в рамках специальных налоговых режимов, включая единый сельскохозяйственный налог и упрощенную систему налогообложения (УСН).

Используемый показатель эффективной налоговой ставки лучше подходит для оценки влияния налогов на рентабельность, в отличие от показателя налоговой нагрузки, публикуемого Федеральной налоговой службой

РФ по видам экономической деятельности, который рассчитывается как отношение всех налогов и сборов к обороту организаций [5].

Данные о суммах уплаченных налогов по отраслям взяты из формы 1-НОМ Федеральной налоговой службы РФ, значение прибыли до уплаты налогов и процентов вычислено на основе отраслевых данных Росстата. Рентабельность по отраслям также приведена по данным Росстата.

Стандартный показатель налоговой нагрузки от ФНС, помимо налогов на бизнес, включает налог на доходы физических лиц, который ложится на работников, и налог на добавленную стоимость, который входит в цену выпускаемой продукции, т. е. ложится в основном на потребителя. Кроме того, у разных отраслей разный вклад добавленной стоимости в сумму выручки. Следовательно, этот показатель можно использовать только для сравнения налоговой нагрузки внутри одной отрасли или между похожими отраслями. В нашей работе такой подход применяется для выявления различий налоговой нагрузки между малыми и крупными предприятиями в секторе АПК, а также между разными отраслями АПК. Для этих целей используются данные системы «СПАРК-Интерфакс» о выручке, прибыли до налогообложения, сумме уплаченных налогов, в том числе налога на прибыль, а также об отраслевой принадлежности предприятий и их принадлежности к субъектам малого и среднего предпринимательства.

Рост концентрации в отраслях АПК

Хотя процессы холдингизации актуальны для большинства отраслей агропромышленного комплекса, наибольшая концентрация наблюдается в производстве мясной продукции, сахара и подсолнечного масла, в которых 20 крупнейших производителей занимают более 60% рынка. На других рынках концентрация пока не так велика. Например, на рынке молока на 30 крупнейших

Таблица 1. Показатели концентрации на рынках сельхозпродукции

Table 1. Indicators of concentration in agricultural markets

Вид продукции <i>Product type</i>	Год наблюдения <i>Year of observation</i>	Доля трех крупнейших производителей, % <i>Top-3 share of producers, %</i>	Доля пяти крупнейших производителей, % <i>Top-5 share of producers, %</i>	Доля 20 крупнейших производителей, % <i>Top-20 share of producers, %</i>	Индекс Херфиндаля – Хиршмана <i>Herfindahl – Hirschman index</i>
Свинина <i>Pork</i>	2016	18,0	24,8	49,1	0,025
	2021	24,9	36,6	73,9	0,046
Мясо бройлеров <i>Broiler meat</i>	2016	25,7	34,3	60,6	0,041
	2023	38,6	49,6	77,8	0,072
Мясо индейки <i>Turkey meat</i>	2017	65,1	79,0	>95	0,170
	2023	76,1	83,6	>99	0,345
Сахар <i>Sugar</i>	2016	47,5	59,6	Н/д	0,097
	2021	50,2	69,3	Н/д	0,116
Подсолнечное масло (фасованное) <i>Sunflower oil (packaged)</i>	2018	50,5	70,6	Н/д	0,130
	2023	45,1	62,7	Н/д	0,120

Источник: расчеты авторов по данным журнала «Агроинвестор» и отчетам АО «Русагро».

молокозаводов приходится лишь 16% молочного производства¹.

Расчеты индексов концентрации за 2016 и 2023 гг. (для производства сахара и свинины за 2021 г.) свидетельствуют о заметном росте концентрации в данных отраслях АПК (табл. 1).

Таблица 1 иллюстрирует динамику основных показателей монополизации и концентрации рынка: коэффициент концентрации (доли трех, пяти и двадцати крупнейших производителей в выпуске продукции) и индекс Херфиндаля – Хиршмана (сумма возведенных в квадрат долей всех компаний на рынке).

Результат расчетов показывает, что за пять лет доля пятерки лидеров выросла по всем отраслям, за исключением лишь производства растительного масла: по производству свинины – с 25 до 37%, по про-

изводству мяса бройлеров – с 34 до 49%, по производству мяса индейки – с 79 до 84%, по сахару – с 60 до 69%.

Если производство свинины и мяса бройлеров пока осуществляется не только крупными агрохолдингами (хотя доля компаний вне топ-20 заметно снизилась), то мясо индейки почти полностью производят 20 крупнейших производителей. По сахару и подсолнечному маслу, хотя точные данные по производству есть не для всех компаний, но исходя из данных о том, кому принадлежат сахарные и маслобойные заводы, можно понять, что доля 20 крупнейших производителей достигла примерно 90%².

² Ганенко И. Сахарные регионы-лидеры уменьшили свои доли. В совокупности они выпустили 71% от общего производства сладкого продукта // Журнал «Агроинвестор». URL: <https://www.agroinvestor.ru/rating/article/38617-sakharnye-regiony-lidery-umenshili-svoji-doli-v-sovokupnosti-oni-vypustili-71-ot-obshchego-proizvodst/> (дата обращения: 23.04.2025).

¹ Рейтинги // Журнал «Агроинвестор». URL: <https://www.agroinvestor.ru/rating/> (дата обращения: 23.04.2025).

Таким образом, чем слабее был монополизирован рынок, тем сильнее увеличилась концентрация на нем. Причем быстрее всего сокращается доля менее крупных производителей, а доля трех-пяти крупнейших компаний растет немного медленнее.

Индексы ННІ на рынках свинины, мяса бройлеров и индейки с 2016 по 2023 г. выросли примерно в два раза, но пока остаются ниже 0,1, кроме рынка индейки, где ННІ достиг уровня очень высокой концентрации (0,345). Однако если рассматривать производство мяса птицы как один товарный рынок, то монополизация его отдельного сегмента не является настолько большой проблемой.

На рынке сахара индекс ННІ тоже вырос (на 20%) и теперь превышает определенный антимонопольным законодательством уровень 0,10. По подсолнечному маслу – незначительное снижение, хотя значения индекса остаются выше 0,10.

Существует риск, что при неизменных тенденциях данные рынки в течение 10 лет придут к состоянию олигополии, менее вероятно – к монополии. Причем данные по России в целом могут не отражать фактической монополизации локальных рынков,

которая связана с присутствием продукции сельхозпроизводителей в конкретных торговых сетях, доминирующих в регионе. Так как в последнее десятилетие в торговле продовольственными товарами наблюдается увеличение доли крупных торговых сетей [13], то конечный покупатель чаще сталкивается с продукцией тех производителей, которые являются поставщиками сетевых супермаркетов. Частичная монополизация возможна на локальных рынках, где сейчас уровень концентрации сильно выше среднего по стране. Например, в Центральном и Северо-Западном федеральных округах (табл. 2), к которым относятся Москва и Санкт-Петербург соответственно, доля крупных сельхозорганизаций в поголовье скота заметно выше, чем в среднем по России.

Заметим также, что данные по отдельным предприятиям АПК (в частности, данные, которые представлены в системе «СПАРК-Интерфакс»), без учета их принадлежности взаимосвязанной группе организаций (агрохолдингу), не позволяют корректно оценить индексы концентрации производства, особенно потому, что зачастую сложно однозначно соотнести данные

Таблица 2. Доля крупных сельхозорганизаций в общем поголовье скота в 2016 и 2021 гг., %
Table 2. Share of large agricultural organizations in total livestock population in 2016 and 2021, %

Вид скота <i>Type of livestock</i>	РФ, всего <i>Russia, total</i>		Центральный ФО <i>Central federal district</i>		Северо-Западный ФО <i>North-West federal district</i>	
	2016	2021	2016	2021	2016	2021
Бройлеры <i>Broilers</i>	79,3	90,6	85,7	95,7	94,8	98,8
Свиньи <i>Pigs</i>	75,0	86,6	92,1	93,2	76,4	97,4
Мясной КРС <i>Beef cattle</i>	23,1	29,1	78,6	86,6	69,2	80,2
Молочный КРС <i>Dairy cattle</i>	30,1	33,7	46,2	52,0	51,8	58,4

Источник: Росстат, Сельскохозяйственная микроперепись, 2021.

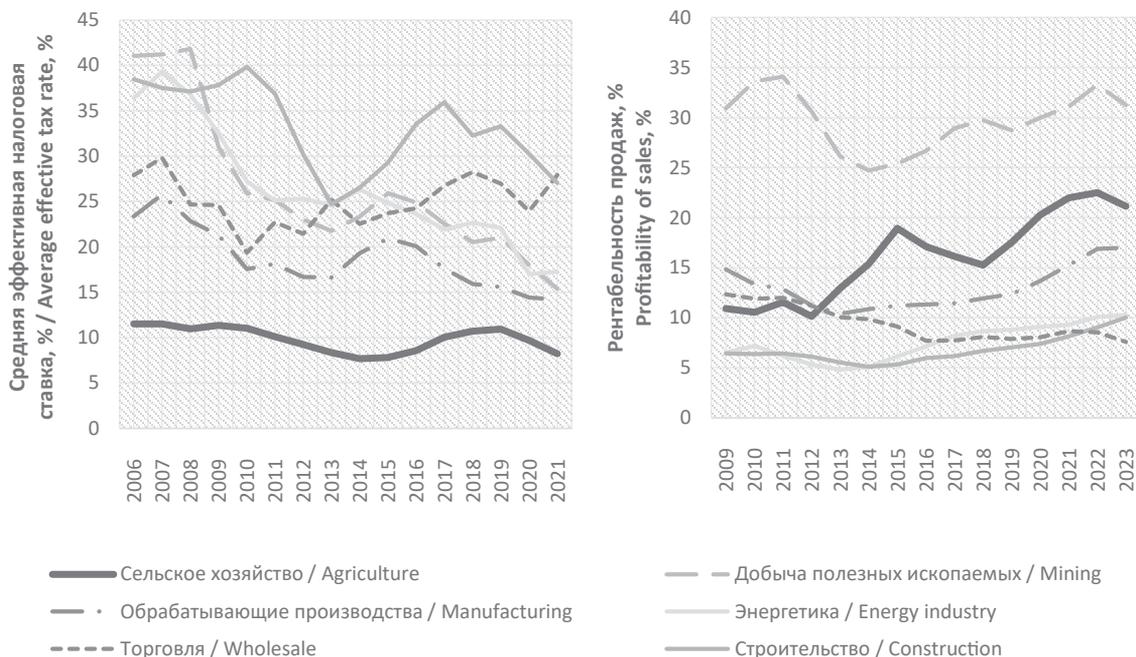
о выручке предприятия с выпуском определенного вида продукции. Поэтому более детальный анализ можно провести только по данным продаж продукции конкретных агрохолдингов, желательного в географическом разрезе.

Налоговая нагрузка на сельское хозяйство

Налоговые условия для сельского хозяйства выделяются наиболее низким уровнем эффективной ставки налогов на капитал (равной отношению суммы налогов на имущество и доход предприятий к размеру прибыли до вычета налогов и процентов) – 8,2%. При этом рентабельность в отрасли выросла до 20–25% – выше только в добывающей промышленности (рис. 1).

Низкая налоговая нагрузка на капитал достигается за счет нулевой ставки по налогу на прибыль (НПО) в части сельскохозяйственной деятельности, которую имеют право применить сельхозпроизводители при условии, что доля от реализации сельскохозяйственной продукции в их общем доходе от реализации товаров/работ/услуг составляет не менее 70%. Из-за этой льготы в 2023 г. недопоступления НПО от сельхозпредприятий составили 142 млрд руб. против 56,4 млрд руб. суммы налоговых поступлений от всех предприятий отрасли, т.е. в 2,5 раза выше (рис. 2).

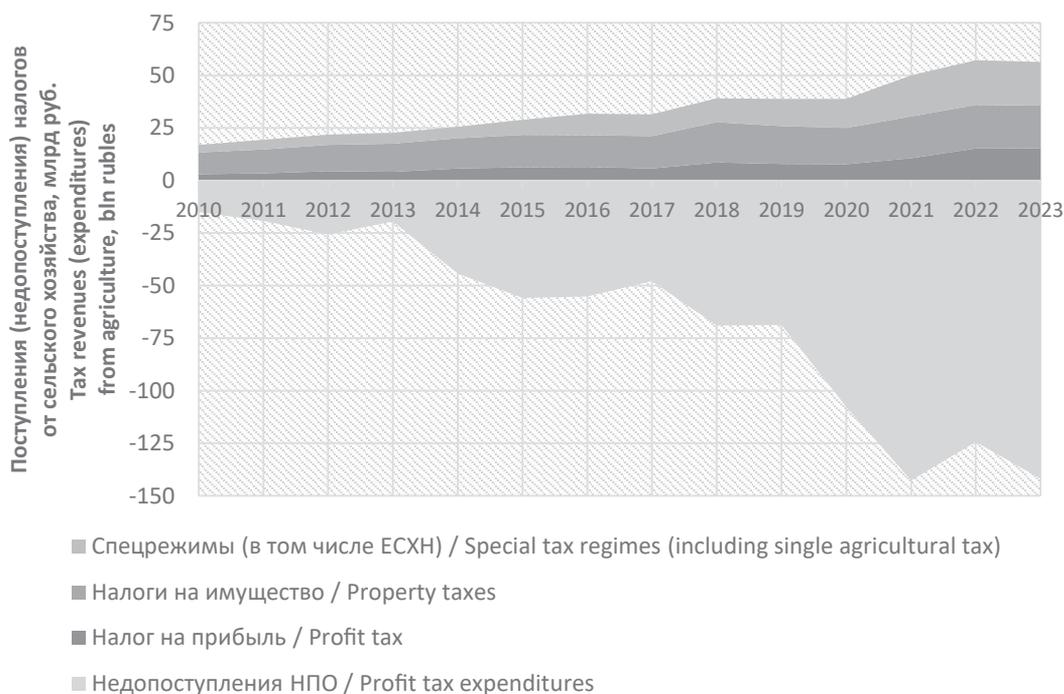
При этом в 2010–2013 гг. недопоступления налога на прибыль из-за нулевой ставки в отношении сельскохозяйственной деятельности были меньше суммы налоговых отчислений отрасли. Но затем, начиная с 2014 г., это соотношение увеличивалось,

Источник: расчеты авторов по данным Росстата.

Рис. 1. Динамика показателей эффективной налоговой ставки и рентабельности по отраслям

Fig. 1. Dynamics of effective tax rate and profitability indicators by industry

Источник: Федеральная налоговая служба.

Рис. 2. Динамика поступлений налогов от сельского хозяйства и недопущений НПО

Fig. 2. Dynamics of tax revenues from agriculture and profit tax expenditures

что в сочетании с ростом бюджетных субсидий обеспечило ощутимое повышение рентабельности сельского хозяйства и ускоренное развитие данного сектора экономики [2]. Только это не решило другую проблему отрасли, связанную с перераспределением результатов экономической деятельности сельских работников в пользу монополистических субъектов окружающей экономики, которое может происходить как через государственные механизмы, так и за счет неравного рыночного положения [3].

В данном случае различия ставок по налогу на прибыль для разных видов деятельности очевидно предоставляет большие возможности налогового планирования для агрохолдингов путем перемещения прибыли от перерабатывающих предприятий к сельскохозяйственным, например, за счет манипуляций с транс-

фертными ценами. Отдельным сельхозпроизводителям, не входящим в холдинговые структуры, такие возможности недоступны.

Так, по данным исследования Узуна и соавторов, чем больше агрохолдинг, тем большую долю в его выручке от реализации сельхозпродукции занимает переработанная продукция (табл. 3). То есть фактически переработка продукции, а не первичное сельскохозяйственное производство является основной деятельностью агрохолдингов. Вместе с тем на примере одного из агрохолдингов Белгородской области они показывают, что хотя выручка холдинга сосредоточена у перерабатывающих предприятий, тем не менее практически вся прибыль фиксируется у входящих в холдинг сельхозорганизаций [11, с. 98].

Таблица 3. Доля переработанной продукции в выручке агрохолдингов в зависимости от их размера, 2016 г.

Table 3. Share of processed products in revenue of agricultural holdings depending on their size, 2016

Группировка агрохолдингов по величине выручке от реализации сельскохозяйственной продукции <i>Grouping of agricultural holdings by revenue from sales of agricultural products</i>	Число агрохолдингов <i>Number of agricultural holdings</i>	Доля переработанной продукции в выручке от реализации сельхозпродукции, % <i>Share of processed products in revenue from sales of agricultural products, %</i>
До 3 млрд руб.	23	12,7
От 3 до 4 млрд руб.	19	11,7
От 4 до 5 млрд руб.	17	21,5
Свыше 5 млрд руб.,	41	48,6
в том числе:		
свыше 10 млрд руб.	22	53,1
свыше 100 млрд руб.	1	58,2

Источник: [11].

Кроме того, в таблице 4 показана зависимость налоговой нагрузки (в терминологии ФНС – отношение всех налогов предприятия к выручке) внутри отраслей сельского хозяйства и производства пищевых продуктов от размера предприятия. Полу-

ченные результаты свидетельствуют о повышенной налоговой нагрузке на малые предприятия, особенно с выручкой до 100 млн руб., при том что крупнейшие организации с выручкой свыше 10 млрд руб. имеют наименьшую налоговую нагрузку.

Таблица 4. Налоговая нагрузка в зависимости от размера выручки, %

Table 4. Tax burden depending on revenue size, %

Размер выручки за год <i>Annual gross revenue</i>	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Производство пищевых продуктов / Manufacture of food products							
До 1 млн руб.	38,68	77,21	48,39	45,89	49,07	63,80	70,01
От 1 до 10 млн руб.	7,77	9,01	9,21	9,58	9,36	8,66	11,05
От 10 до 100 млн руб.	5,16	5,87	6,26	5,79	5,56	5,28	6,01
От 100 млн до 1 млрд руб.	5,47	5,98	5,88	5,46	4,93	4,66	5,54
От 1 до 10 млрд руб.	4,90	5,08	4,80	4,53	4,33	4,32	5,37
Более 10 млрд руб.	1,96	3,01	2,97	3,09	2,89	3,11	3,91
<i>По всем категориям выручки</i>	<i>4,96</i>	<i>5,04</i>	<i>4,88</i>	<i>4,59</i>	<i>4,18</i>	<i>4,11</i>	<i>5,04</i>
Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях / Crop and animal production, hunting and related service activities							
До 1 млн руб.	63,54	73,34	48,33	58,49	76,28	53,26	56,79
От 1 до 10 млн руб.	10,99	11,54	11,68	10,83	11,12	12,27	14,49
От 10 до 100 млн руб.	5,77	5,93	6,07	5,15	5,40	5,24	5,81
От 100 млн до 1 млрд руб.	5,87	5,93	6,44	5,23	5,29	4,84	5,47
От 1 до 10 млрд руб.	5,18	5,11	5,65	4,83	5,00	4,13	5,71
Более 10 млрд руб.	4,17	4,47	3,71	3,79	4,32	3,12	5,23
<i>По всем категориям выручки</i>	<i>5,76</i>	<i>5,54</i>	<i>5,85</i>	<i>4,94</i>	<i>5,07</i>	<i>4,32</i>	<i>5,60</i>

Источник: расчеты авторов по данным системы «СПАРК-Интерфакс».

Снижение доли непроизводственных расходов с увеличением масштаба бизнеса – это известный эффект, характерный для всех отраслей. Однако для отраслей АПК неравенство налоговой нагрузки между малым и крупным бизнесом ощутимо выше по причине одинаковой доступности на-

логовых преференций для предприятий существенно разного размера.

Далее рассмотрим разницу налоговой нагрузки между предприятиями с выручкой менее 1 млрд руб. и более 1 млрд руб. в разрезе исследуемых отраслей АПК (табл. 5).

Таблица 5. Налоговая нагрузка на предприятия с выручкой до 1 млрд руб. и от 1 млрд руб. по отраслям АПК

Table 5. Tax burden on enterprises with revenue up to 1 billion rubles and from 1 billion rubles by the brunches of agro-industrial complex

Отрасль АПК <i>Branch of agro-industrial complex</i>	Код ОКВЭД <i>OKVED code</i>	Средняя налоговая нагрузка за 2019–2023 гг., % <i>Average tax burden in 2019–2023, %</i>		Соотношение <i>Ratio</i> (1) / (2)
		на предприятия с выручкой до 1 млрд руб., % <i>for enterprises with revenue up to 1 billion rubles, %</i> (1)	на предприятия с выручкой от 1 млрд руб., % <i>for enterprises with revenue from 1 billion rubles, %</i> (2)	
Производство пищевых продуктов / <i>Manufacture of food production</i>				
Переработка и консервирование мяса и мясной пищевой продукции <i>Processing and preserving of meat and production of meat products</i>	10.1	3,76	2,49	1,51
Переработка и консервирование мяса <i>Processing and preserving of meat</i>	10.11	2,70	1,94	1,39
Переработка и консервирование мяса птицы <i>Processing and preserving of poultry meat</i>	10.12	2,62	2,88	0,91
Производство подсолнечного масла <i>Manufacture of sunflower oils</i>	10.41.24, 10.41.54	4,2	3,17	1,33
Производство молока и молочной продукции <i>Operation of dairies</i>	10.51	4,36	3,12	1,40

Окончание таблицы 5

Производство сахара <i>Manufacture of sugar</i>	10.81	7,23	7,66	0,94
Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях <i>Crop and animal production, hunting and related service activities</i>				
Выращивание сахарной свеклы <i>Sugar beet</i>	01.13.5	4,53	6,04	0,75
Разведение молочного крупного рогатого скота <i>Dairy cattle</i>	01.41	6,67	4,68	1,43
Разведение прочего крупного рогатого скота <i>Other cattle</i>	01.42	6,97	3,52	1,98
Разведение свиней <i>Swine</i>	01.46	4,89	4,17	1,17
Разведение сельскохозяйственной птицы <i>Poultry</i>	01.47	4,88	4,27	1,14

Источник: расчеты авторов по данным системы «СПАРК-Интерфакс».

Таблица 5 показывает, что и в разрезе исследуемых отраслей АПК налоговая нагрузка на крупные предприятия, как правило, заметно ниже, чем на мелкие. Главным исключением является производство сахара и выращивание сахарной свеклы, поскольку в этой отрасли малые производства почти отсутствуют. Кроме того, в сахарной отрасли налоговая нагрузка относительно выше, чем в других отраслях АПК.

В отрасли 10.12 «Переработка и консервирование мяса птицы», напротив, мало крупных предприятий, поскольку крупные птицефабрики чаще относятся к коду 01.47 «Разведение сельскохозяйственной птицы».

Интересно, что производства свинины и мяса птицы, в которых наблюдается наиболее быстрый рост концентрации, характеризуются пониженной налоговой нагрузкой. А в отношении производства молочной продукции, в котором концентрация сохраняется на низком уровне, налоговая нагрузка выше.

Таким образом, низкая налоговая нагрузка на крупный бизнес и повышенная – на малый бизнес являются важными факторами, способствующими монополизации в АПК.

Вместе с тем понятно, что недопоступления налога на прибыль из-за нулевой ставки для сельхозпроизводителей являются теперь существенным фактором поддержки отрасли и не могут быть полностью изъяты. Однако поскольку в 2014–2019 гг. налоговые условия были достаточно благоприятными для устойчивого развития отрасли, можно оценить, при каком росте ставки налога на прибыль условия налогообложения сельхозпроизводителей будут не хуже, чем в указанном периоде. Подходящим показателем налоговых условий служит показатель налогового усилия, равный отношению фактических налоговых поступлений к потенциальным поступлениям, при отсутствии льготы по налогу на прибыль. В таблице 6 приведены все необходимые данные для такой оценки.

Таблица 6. Показатели условий налогообложения отрасли сельского хозяйства в 2012–2023 гг.

Table 6. Indicators of taxation conditions in the agricultural sector in 2012–2023

Показатель / Indicator	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Прибыль сельхозпроизводителей, облагаемая по ставке 0%, млрд руб. <i>Profit of farms taxed by 0%, billion rubles</i>	128	97	221	279	276	239	344	343	538	713	622	709
в том числе крупных СХО, млрд руб. <i>incl. large farmers, billion rubles</i>	–	–	99	142	128	96	142	166	262	418	341	466
как доля от прибыли всех СХО, облагаемой по ставке 0% <i>as a share of the profit of all farmers taxed by 0%</i>	–	–	0,45	0,51	0,46	0,40	0,41	0,48	0,49	0,59	0,55	0,66
Недопоступления НПО, млрд руб. <i>Profit tax expenditures, billion rubles</i>	25,7	19,5	44,3	55,9	55,2	47,8	68,9	68,6	107,7	142,7	124,4	141,7
Поступления налогов от предприятий сельского хозяйства, млрд руб. <i>Tax revenues from agriculture, billion rubles</i>	21,7	22,7	25,5	28,9	31,8	31,5	39,0	38,8	38,7	50,0	57,2	56,4
Потенциальные налоговые поступления, млрд руб. <i>Potential tax revenues, billion rubles</i>	47,4	42,1	69,8	84,8	86,9	79,3	107,9	107,4	146,4	192,7	181,6	198,1
Доля налоговых поступлений в сумме потенциальных поступлений <i>Share of tax revenues in sum of potential tax revenues</i>	0,46	0,54	0,37	0,34	0,37	0,40	0,36	0,36	0,26	0,26	0,32	0,28
Отклонение доли от среднего за 2014–2019 гг. <i>Deviation of the share from the average for 2014–2019</i>	0,09	0,17	0,00	–0,02	0,00	0,03	0,00	0,00	–0,10	–0,11	–0,05	–0,08
Отклонение, в % от прибыли сельхозпроизводителей <i>Deviation as a percentage of the profit of farms</i>	3,5%	7,5%	0,0%	–0,7%	0,0%	1,1%	–0,1%	–0,1%	–2,7%	–2,8%	–1,5%	–2,3%

Источник: Федеральная налоговая служба, «СПАРК-Интерфакс», расчеты авторов.

Как видно из таблицы 6, налоговое усилие в отношении сельхозпроизводителей снизилось с 50 до 36,5% в среднем за 2014–2019 гг., а после – ниже 30%. При этом доля крупных сельхозорганизаций (СХО) в налоговой базе, облагаемой по ставке 0%, возросла с 45% в 2012 г. до 66% в 2023 г.

Из последней строчки таблицы 6 следует, что уровень налогообложения (налогового усилия), соответствующий 2014–2019 гг., в последующие годы мог бы быть достигнут в случае повышения льготной ставки НПО с 0 до 2,3% в среднем. В случае повышения льготной ставки налога на прибыль в тех же целях только в отношении крупных СХО, с учетом их доли в налоговой базе, эта ставка должна составить 4%.

Подходы налоговой политики в целях развития конкуренции в АПК

Принятый в сентябре 2021 г. Национальный план развития конкуренции на 2021–2025 гг. признает наличие проблем, связанных с несовершенством конкуренции в АПК. В частности, документ ставит задачи:

- устранения барьеров для новых компаний, входящих на товарный рынок сельскохозяйственной продукции;
- ликвидации дискриминационного и необоснованно ограничительного характера предоставления мер государственной поддержки;
- развития конкуренции в таких ключевых отраслях АПК, как производство семян, посадочного и племенного материалов, а также внедрения соответствующих агротехнологий [6, с. 256].

Однако он не затрагивает проблему неравенства налоговой нагрузки между малыми и крупными предприятиями АПК и потребности изменения подходов налоговой

политики к налогообложению сельскохозяйственной отрасли и агрохолдингов.

Подходы налоговой политики в целях налогового регулирования конкуренции в агропромышленном секторе связаны с исследованиями в области государственных финансов и промышленной политики и предоставляют теоретические обоснования в пользу отмены льготных налоговых условий для монополистических или олигополистических фирм [14]. Такие фирмы, пользуясь рыночной властью, завышают цены для потребителей, чем снижают общественное благосостояние. Предоставление налоговых льгот монополистическим фирмам может усугубить эти потери в связи с дальнейшим укреплением их рыночной власти и накоплением ими большей прибыли за счет снижения благосостояния потребителей и общей эффективности рынка [16].

Согласно теории оптимального налогообложения, предоставление налоговых стимулов доминирующим компаниям противоречит цели минимизации искажений, поскольку эти фирмы, как правило, сами искажают рынки, ограничивая выпуск и повышая цены. Теория государственных финансов подразумевает, что налоговые стимулы должны быть направлены на развитие предприятий, которые сильнее способствуют росту общего экономического благосостояния, а не тех компании, которые извлекают ренту из-за своей рыночной власти [17].

Аргументация теоретиков в области государственных финансов предполагает, что налоговая политика должна минимизировать получение ренты и не допустить получения фирмами сверхприбыли за счет рыночной власти [18]. В условиях налогового благоприятствования монополистические или олигополистические фирмы сохраняют большую часть своей избыточной прибыли, что позволяет им продолжать практику ограничения производства и завышения цен.

Следовательно, основной подход налоговой политики в отношении регулирования конкуренции в АПК должен заключаться в разграничении налоговых условий между малыми и средними сельхозпроизводителями и крупными агрохолдингами.

Анализ форм налогового регулирования АПК в развитых странах показывает, что хотя сельхозпроизводители и пользуются преференциальным налогообложением, степень снижения налоговой нагрузки нигде не превышает 50% от базового уровня. В основном, поддержка сельского хозяйства и АПК достигается за счет субсидирования [15]. Такой подход может быть оправдан и в наблюдаемой в России ситуации, когда основную выгоду от снижения налогов получают крупные предприятия.

В данных условиях целесообразно снизить доступность налогового планирования для крупных агрохолдингов путем усиления требований для применения ЕСХН и нулевой ставки НПО. Аналогично другим преференциальным режимам, таким как упрощенная система налогообложения, следует ввести ограничение на долю участия других организаций не более 25% (если данная организация сама не является сельхозпроизводителем). Указанное требование обосновано тем, чтобы не допустить применения ЕСХН холдингами, которые в целом не удовлетворяют условиям его применения (например, имеют менее 70% дохода от сельскохозяйственной деятельности), но могут выделить свои сельскохозяйственные подразделения в отдельные юридические лица, которые подходят под остальные условия, в частности по доле дохода от сельскохозяйственной деятельности.

Ввиду повышения с 1 января 2025 г. базовой ставки налога на прибыль до 25% можно рассмотреть сопоставимое повышение льготной ставки НПО для крупных сельхозорганизаций, например, как было

обосновано выше, с 0 до 4%. Преференции для сельхозпроизводителей в полном объеме стоит сохранить в отношении сельхозпредприятий, являющихся субъектами малого и среднего бизнеса.

Ввиду выявленной повышенной налоговой нагрузки на малые сельхозорганизации необходимо предусмотреть дополнительные налоговые льготы и субсидии для малых и начинающих сельхозпроизводителей. В частности, это возможно за счет:

- 1) гарантии пониженной ставки ЕСХН (с 6 до 3%; сейчас снижение возможно только по решению региональных властей¹);
- 2) для плательщиков НДС – компенсации разницы между начисленными и принятыми к вычету суммами НДС;
- 3) для тех, кто не является плательщиком НДС, – субсидии в размере фиксированного процента от суммы реализации сельхозпродукции, которая позволит им предоставлять скидки для контрагентов-плательщиков НДС, взамен возможности принять входящий НДС к вычету.

Подобные субсидии по НДС применяются для малых сельхозпроизводителей во Франции и хорошо зарекомендовали себя как способ поддержки развития отрасли [7].

Необходимость субсидии для субъектов, не являющихся плательщиками НДС, связана с тем, что их контрагенты – плательщики НДС не могут принять к вычету входящий НДС, если приобретают товары и услуги у предприятий, не облагаемых НДС. Данная проблема существует также в России и часто обсуждается, в том числе в контексте применения режима ЕСХН [8].

¹ Согласно п. 2 ст. 346.8 НК РФ, субъекты РФ могут устанавливать пониженные ставки ЕСХН вплоть до 0% для всех или отдельных категорий налогоплательщиков. Однако дополнительные налоговые льготы в АПК исходя из масштабов деятельности предприятий предоставляет только Республика Марий Эл: для субъектов малого и среднего предпринимательства ставка ЕСХН на 2023 и 2024 гг. была снижена до 0%.

Заключение

С 2006 г. наблюдается рост концентрации и холдингизации в отраслях АПК, который усилился в 2016–2023 гг. В частности, с 2016 по 2021 г. доля 5 крупнейших производителей свинины выросла с 25 до 37%, мяса птицы – с 34 до 50%, сахара – с 59 до 69%, а вот доля производителей подсолнечного масла остается около 65%.

Поскольку показатель концентрации рынка выше 45% считается средним, а выше 70% – высоким (т. е. требующим вмешательства регулятора), то уже сейчас целесообразно принятие мер налоговой политики, направленных на развитие конкуренции в отраслях АПК.

Для агрохолдингов сохраняются возможности налогового планирования с учетом значительных налоговых преференций в отношении крупных сельхозпроизводителей, включающих нулевой налог на прибыль и режим единого сельскохозяйственного налога. Данные преференциальные условия одинаково доступны как малым предприятиям, так и крупным агрохолдингам.

Недопоступления налога на прибыль из-за применения нулевой ставки для сельхозпроизводителей в 2020–2023 гг. в 2,6 раза превышают сумму налоговых поступлений от сельхозпредприятий, достигая 142 млрд руб., хотя в 2010–2013 гг. недопоступления НПО были меньше налоговых отчислений отрасли. Благодаря этому налоговая нагрузка на сельское хозяйство остается самой низкой среди отраслей (как по показателю эффективной налоговой ставки – 8,2%, так и по показателю налоговой нагрузки, применяемому ФНС, – 3,2%) при возросшей рентабельности.

Кроме того, расчеты по данным системы «СПАРК-Интерфакс» показывают, что налоговая нагрузка на крупные предприятия отрасли ниже, чем на малые и средние, что является одним из ограничителей конкуренции в АПК.

В качестве основного научного результата данной статьи было обосновано, что налоговые условия являются одним из факторов монополизации в агропромышленном секторе. Поэтому необходимо налоговое регулирование конкуренции в данном секторе экономики.

В соответствии с теорией государственных финансов целесообразно сокращение налоговых льгот для доминирующих компаний в отраслях сельского хозяйства с растущей концентрацией. С учетом показателей налоговой нагрузки, рентабельности и динамики развития отрасли, без ущерба для долгосрочного развития отрасли возможно повышение эффективной налоговой ставки в отношении крупных сельхозорганизаций не более чем на 30–35% при условии недопущения ее повышения для малых и средних сельхозпроизводителей.

Практическая ценность работы заключается в формулировании подхода к разграничению условий налогообложения для малых и крупных сельхозпроизводителей в целях регулирования конкуренции в АПК. Это может быть обеспечено, с одной стороны, за счет уменьшения налоговых преференций для крупных сельхозорганизаций и организаций, входящих в агрохолдинги. В целях уменьшения возможностей агрохолдингов по налоговому планированию к условиям предоставления ЕСХН и нулевой ставки налога на прибыль следует добавить ограничение на долю участия других организаций не более 25% (если данная организация не является сельхозпроизводителем). Для крупных сельхозорганизаций также допустимо повысить льготную ставку налога на прибыль до 4%.

С другой стороны, малым и начинающим сельхозпроизводителям следует предоставить дополнительные налоговые льготы и субсидии в виде пониженной ставки ЕСХН и компенсации выплат по НДС.

Список литературы

1. Адуков Р.Х., Адукова А.Н. Усиление антимонопольной политики как главное условие повышения эффективности госуправления АПК в новых реалиях // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2023. №7 (101). С. 14–25. DOI: 10.33938/237-14.
2. Алтухов А.И., Дрокин В.В., Журавлев А.С. Продовольственная безопасность и импортозамещение – основные стратегические задачи современной аграрной политики // Экономика региона. 2015. №3 (43). С. 256–266. DOI: 10.17059/2015-3-21.
3. Буздалов И. Российское крестьянство под прессом «перекачки» // Общество и экономика. 2010. №2. С. 73–86.
4. Кондратьева Н.Б. Сельскохозяйственная политика ЕС: вопросы концентрации и конкуренции // Современная Европа. 2019. №4 (90). С. 73–85. DOI: 10.15211/soveurope420197384.
5. Корытин А., Шаталова С. Расчет показателей налоговой нагрузки и ее влияния на рентабельность в отраслях экономики // Экономическое развитие России. 2017. Т. 24. №4. С. 79–85.
6. Курдюмов А.В., Громова Н.С. Антимонопольное регулирование аграрного сектора в условиях трансформации экономико-правовой реальности // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 247. №3. С. 246–264. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-247-3-246-264.
7. Мелкова Е.В., Корытин А.В. Повышение конкурентоспособности малых сельскохозяйственных предприятий посредством налогового регулирования // Финансы. 2024. №10. С. 26–32.
8. Пинская М.Р., Тихонова А.В. Гармонизация НДС и единого сельскохозяйственного налога // Белорусский экономический журнал. 2015. №3 (72). С. 72–78.
9. Терентьев И., Попов И. Льгота 0%: как три агрохолдинга заработали за год 100 млрд рублей прибыли // Forbes. 20.12.2022. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/480564-l-gota-0-kak-tri-agroholdinga-zarabotali-za-god-100-mlrd-rublej-pribyli> (дата обращения: 23.04.2025).
10. Тропынина Н.Е. Особенности применения индикаторов интенсивности конкуренции для оценки степени монополизации рыночной власти // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2020. №4 (46). С. 91–97.
11. Холдингизация агробизнеса России / В.Я. Узун, Н.И. Шагайда, Е.А. Гатаулина, Е.А. Шишкина. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. – 344 с.
12. Шагайда Н.И. Подходы к оценке размеров агрохолдингов // Вопросы экономики. 2020. №10. С. 105–116. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-10-105-116.
13. Шарпова Н.В. Государственное регулирование агропродовольственного рынка: антимонопольные процессы // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2017. №11. С. 10–14.
14. Harberger A. C. Monopoly and Resource Allocation. – In: Essential Readings in Economics / ed. by S. Estrin, A. Marin. – London: Palgrave, 1995. P. 77–90. DOI: 10.1007/978-1-349-24002-9_5.
15. Kireyeva E. Tax regulation in agriculture: current trends, selection of a state support forms // Journal of Tax Reform. 2016. Vol. 2. No. 3. P. 179–192. DOI: 10.15826/jtr.2016.2.3.023.
16. Mirrlees J. A. An exploration in the theory of optimum income taxation // The Review of Economic Studies. 1971. Vol. 38. No. 2. P. 175–208. DOI: 10.2307/2296779.
17. Rodrik D. Industrial policy for the twenty-first century. – Harvard University, 2004. – 57 p. DOI: 10.2139/ssrn.617544.
18. Stiglitz J. E. The role of government in economic development. – In: Annual World Bank Conference on Development Economics. – Washington D. C.: World Bank, 1996. P. 11–23.
19. Wengle S. A. Agroholdings, technology, and the political economy of Russian agriculture // Laboratorium. Russian Review of Social Research. 2021. Vol. 13. No. 1. P. 57–80. DOI: 10.25285/2078-1938-2021-13-1-57-80.

Сведения об авторах

Корытин Андрей Владимирович, ORCID 0000-0001-6635-7190, старший научный сотрудник, Институт исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики, Финансовый университет, Москва, Россия, korytin.andrey@gmail.com

Соколов Илья Александрович, ORCID 0000-0002-0431-4993, канд. экон. наук, заведующий лабораторией исследований бюджетной политики, Институт прикладных экономических исследований РАНХиГС, Москва, Россия, sokolov@iepr.ru

Поддержка исследований

Статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Статья поступила 10.12.2024, рассмотрена 25.12.2024, принята 13.01.2025

References

1. Adukov R., Adukova A. Strengthening antimonopoly policy as the main condition improving the efficiency of public administration of the agro-industrial complex in the new realities. *Ekonomika, trud i upravlenie v selskom hozyaistve*=Economics, Labor, Management in Agriculture, 2023, no.7(101), pp.14-25 (in Russian). DOI: 10.33938/237-14.
2. Altukhov A. I., Drokin V. V., Zhuravlev A. S. Food Supply Security and Import Substitution as the Key Strategic Objectives of the Modern Agricultural Policy. *Ekonomika regiona*=Economy of Region, 2015, no.3(43), pp.256-266 (in Russian). DOI: 10.17059/2015-3-21.
3. Buzdalov I. The Russian peasantry under a press of swapping. *Obshchestvo i ekonomika*=Society and Economics, 2010, no.2, pp.73-86 (in Russian).
4. Kondratyeva N. European Union agricultural policy: concentration and competition issues. *Sovremennaya Evropa*=Contemporary Europe, 2019, no.4(90), pp.73-85 (in Russian). DOI: 10.15211/soveurope420197384.
5. Korytin A. V., Shatalova S. S. Calculation of Tax Burden and Its Impact on Profitability in Sectors of the Economy. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*=Economic Development of Russia, 2017, no.4(24), pp.79-85 (in Russian).
6. Kurdyumov A. V., Gromova N. S. Antimonopoly regulation of the agricultural sector in the context of transformation of economic and legal reality. *Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obschestva Rossii*=VEO of Russia Today, 2024, vol.247, no.3, pp.246-264 (in Russian). DOI: 10.38197/2072-2060-2024-247-3-246-264.
7. Melkova E. V., Korytin A. V. Improving the competitiveness of small agricultural enterprises through tax regulation. *Finansy*, 2024, no.10, pp.26-32 (in Russian).
8. Pinskaya M., Tikhonova A. Harmonization of Vat and single agricultural tax. *Beloruskiy ekonomicheskij zhurnal*=Belarus Economic Journal, 2015, no.3(72), pp.72-78 (in Russian).
9. Terentev I., Popov I. *Lgota 0%: kak tri agroholdinga zarabotali za god 100 mlrd rubley pribyli* [Benefit 0%: how three agroholdings earned 100 bln rubles in profit in a year]. *Forbes*, 20.12.2022. Available at: <https://www.forbes.ru/biznes/480564-l-gota-0-kak-tri-agroholdinga-zarabotali-za-god-100-mlrd-rublej-pribyli> (accessed 23.04.2025).
10. Tropynina N. Features of using competition intensity indicators to assess the degree of monopolization of market power. *Innovacionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*, 2020, no.4(46), pp.91-97 (in Russian).
11. *Holdingsizatsiya agrobiznesa Rossii* [Holdingization of Russian agribusiness]. V. Ya. Uzun, N. I. Shagaida, E. A. Gataulina, E. A. Shishkina. Moscow, *Delo* of RANEPa Publ., 2022, 344 p.

12. Shagaida N. I. Assessing the size of agricultural holdings. *Voprosy ekonomiki*, 2020, no.10, pp.105-116 (in Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2020-10-105-116.
13. Sharapova N. V. State regulation of the agro-food market: Antimonopoly processes. *Ekonomika selskohozyaystvennyh i pererabatyvayuschih predpriyatij*=Economy of Agricultural and Processing Enterprises, 2017, no.11, pp.10-14 (in Russian).
14. Harberger A. C. Monopoly and Resource Allocation. In: *Essential Readings in Economics*. Ed. by S. Estrin, A. Marin. London, Palgrave, 1995, pp.77-90. DOI: 10.1007/978-1-349-24002-9_5.
15. Kireyeva E. Tax regulation in agriculture: current trends, selection of a state support forms. *Journal of Tax Reform*, 2016, vol.2, no.3, pp.179-192. DOI: 10.15826/jtr.2016.2.3.023.
16. Mirrlees J. A. An exploration in the theory of optimum income taxation. *The Review of Economic Studies*, 1971, vol.38, no.2, pp.175-208. DOI: 10.2307/2296779.
17. Rodrik D. *Industrial policy for the twenty-first century*. Harvard University, 2004, 57 p. DOI: 10.2139/ssrn.617544.
18. Stiglitz J. E. The role of government in economic development. In: *Annual World Bank Conference on Development Economics*. Washington D. C., World Bank, 1996, pp.11-23.
19. Wengle S. A. Agroholdings, technology, and the political economy of Russian agriculture. *Laboratorium. Russian Review of Social Research*, 2021, vol.13, no.1, pp.57-80. DOI: 10.25285/2078-1938-2021-13-1-57-80.

About the authors

Andrey V. Korytin, ORCID 0000-0001-6635-7190, Senior Researcher, Institute for Research of Social and Economic Changes and Financial Policy of the Financial University, Moscow, Russia, korytin.andrey@gmail.com

Ilya A. Sokolov, ORCID 0000-0002-0431-4993, Cand. Sci. (Econ.), Head of Laboratory of Budget Policy Research, Institute of Applied Economic Research of the RANEPA, Moscow, Russia, sokolov@iep.ru

Research Support

The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

Received 10.12.2024, reviewed 25.12.2024, accepted 13.01.2025